

Смертнику помилование Божье

Свидетельство о покаянии

Яков Цой родился 14.03.1973 г. в посёлке Охотске Хабаровского края. После того, когда в 1976 г. сгорел их дом, при котором умерли от ожогов его отец и старший брат, они переехали жить в г. Хабаровск.

В 1997 г. после совершения ряда особо тяжких преступлений суд приговорил его к высшей мере наказания – расстрелу. Верховный суд Российской Федерации оставил приговор без изменения.

Помилование всё же пришло ему, но не от земных судей, а от праведного Судьи всех людей – Бога, о чём Яков рассказывает в своём стихотворении, написанном им с декабря 2008 г. по май 2009 г.).

Приговор до сих пор ещё не приведён в исполнение (2013 год). Яков отбывает наказание в г. Соликамске Пермского края в исправительной колонии особого режима, известной по её неофициальному названию «Белый лебедь».

Яков Цой в колонии

I.

Я родился в обычной советской семье
И был пятым по счёту ребёнком,
С первых дней окружали заботой своей
Оба брата и обе сестрёнки.

Но однажды зимою случился пожар –
Уничтожил огонь нашу хату:
Словно после набега жестоких хазар¹, –
Нет отца и нет старшего брата!

Мама нас поднимала одна четверых
До тех пор, пока в школу пошёл я.
Вышла замуж, но к отчиму я не привык,
И характером с ним не сошёлся.

Потому вырос я во дворе, так сказать,
Вторым домом мне улица стала...
Бесполезно тогда было бить и ругать,
Моё сердце чего-то искало...

II.

Помню, как на армейскую службу в «Афган»
Пацанами пойти мы хотели...
Но пришла «перестройка» и, словно дурман,
«Штормовые» года налетели.

¹ тюркоязычный кочевой народ.

В девяностом мне было семнадцать всего,
Когда «занавес» рухнул «железный»,
Закрутило меня, а вокруг никого,
Кто бы мог дать совет мне полезный.

После школы хотел поступить в институт,
Но ума на него не хватило;
Тогда в техникум сдал документы, но тут
Меня также судьба «прокатила».

Поработал на стройке я месяца два.
Штукатурил и был на подхвате,
Но ушёл, потому что был гордым тогда –
Посчитал, будто мало мне платят.

Потому в двадцать два я был глупым юнцом,
Насмотревшийся западных фильмов,
И катился по жизни пустым колесом,
А считал, что всё «круто» и «сильно»...

Рестораны, подружки, веселье рекой,
Лишь бы денег найти – вся забота.
Но в душе пустота, и нет мира с собой...
Моё сердце искало чего-то...

III.

Постепенно стеной обступили долги
И нащёлкивал «счётчик» проценты,
А от них никуда, хоть кричи, хоть беги,
Но отдай до последнего цента...

И в итоге арест, и решила судья:
«Расстрелять – как особо опасных!»

Ни поделник, ни я, а лишь мама моя
Стала плакать о нас – о несчастных.

Вот четыре стены, серый пол, потолок,
Тишина в ожидании казни.
Приговор утверждён – виден смерти порог,
И палач вожделеет приказа.

Не пойму ничего: так зачем же я жил,
Разве в мир я пришел своевольно?
Кто, когда, почему за меня всё решил,
И судьбой управляет подпольно?

А быть может, я сам виноват был во всём,
Сам избрал себе путь эгоиста:
Безответственно жил: «да гори всё огнём!..»
Потому ли «сгорел» я так быстро?!

IV.

Впрочем, ладно, теперь, что уж локти кусать,
Не вернётся назад ни мгновенье...
Надо мне приготовиться пулю встречать,
Раз уж нет для меня продолженья...

Дверь в колонии

Неожиданно тихо откроется дверь...
Силы будут, конечно, неравны...
Закричу ли, начну ли метаться, как зверь,
Палачам добавляя забавы?..

Ни к чему, не хочу свой уход омрачать,
Да и смысла не вижу я в этом.
Так и так ведь теперь всё равно умирать,
Моя грустная песенка спета...

Интересно, смогу ли ногами пойти,
Иль меня понесут, как калеку?
И на финишной точке земного
пути

Сохраню я в себе человека?
Что скажу прокурору я и
палачу,
Если будет возможность
такая?
Иль угрюмо, подавленно я
промолчу
От испуга про всё забывая?

Ладно, дальше посмотрим ещё на
чуть-чуть,

Что там будет твориться со
мною...

Уловить надо самую главную суть,
Чтобы встретить «старуху с косою».

Стрельнет исподтишка по приказу палач,
Пуля-дура вопьется в затылок...
Полетят и запрыгают весело вскачь
Телеграммы в обгонку посылок...

V.

Ну а я, что со мною случится потом?
Будет больно немного, быть может...
А затем, если будет «ничто», словно сон,
Тогда что мою душу тревожит?

Закопают в мешке где-то под
номерком,

Как собаку, – без дна, без
покрышки.

Через годик-другой я
тихонько, тайком

Прорасту деревцом иль
травышкой...

Вот и всё вроде бы, что ещё тут
мудрить,

Раз потомки мы все обезьяны?!

Передвижение в «Белом лебеде»

Место захоронения

В школе Дарвина нас заставляли учить,
Хоть теория не без изъяна.

Почему же тогда почти каждую ночь
Мне кошмары ужасные снятся:
То от злых «бандюков» убегаю я прочь,
То за кем-то пытаюсь угнаться...

То стою над обрывом высокой скалы
И меня кто-то в спину толкает,
Или злая толпа, взяв большие колы
Меня ими к земле прибивает...

И при этом сюжеты такие идут,
О которых я даже не слышал;
Так что здесь всё не просто, и люди не врут,
Что под «вышкой» порой «едет крыша».

Не пойму я никак: в чём же смысл бытия?..
Перечитана библиотека...

Но не встретил я там ничего, что меня
Просветило б на счёт человека.

Посчитать невозможно количество книг,
Что прочитаны были ночами,
А в ту главную – Библию – я не «проник»,
Скудноват, знать, ещё был мозгами.

VI.

Так искал, размышлял и блуждал в темноте
И бродил бы, – не знаю, как долго,
Но однажды ночью порою во сне
Я увидел свой путь в очах Бога:

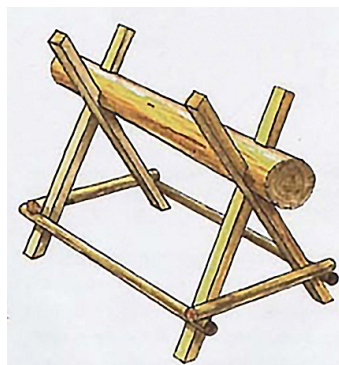
Вот качусь я по чёрному жёлобу вниз,
Вижу чётко и всё ощущаю.
То не бред, не кошмар и не мозга
каприз,

А какой-то урок получаю...

Докатился до края, на «кóзлы»¹ упал
Вверх лицом и с руками вдоль тела:
Огляделся вокруг – ничего не узнал,
И сознание вбок полетело.

На огромной, немыслимой скорости я
Пролетал бесконечные дали,
И нигде никого, ничего не встречал –
Ни души, ни бруска, ни детали...

И тогда до меня совершенно дошло,
Что здесь нет никого и не будет!
Тишина, темнота – одному? Ну и что,
Одиночество тоже погубит.

Двухрожковые кóзлы

¹ „кóзлы“ – подставка в виде бруса на ножках, сбитой крестовиной, на которой пилат дрова.

В тот же миг возвратился на «кóзлы» назад
И понять не могу: что тут делать?
Вдруг смотрю: выступают как роты солдат,
Инструменты – колоть чтоб и резать:
Пилы, ножницы, иглы, ножи, топоры,
Вилки, спицы, копьё боевое...
Всё из тьмы появилось – и не для игры,
Но копьё прямо тут – надо мною!
 Не успел ничего ещё толком понять,
 Как всё это железо явилось, –
 Оно вдруг стало резать меня и пырять,
 Так рубить, что врагам и не снилось!
Но затмило всю боль боевое копьё:
Оно грудь мне насквозь пробивало,
Со спины выходило, круша внутри всё,
Поднималось – и всё заживало!
 Всё конкретно прочувствовал я на себе:
 Как ломался хребет и крошился,
 И от боли чрезмерной, был словно в огне,
 Ожидал, что и ум помутится.
Где же смерть?! Где забвение небытия?!
Сколько так продолжаться всё будет?
Почему не теряю сознание?
И кто пламя мучений остудит?!
 Сквозь страданья и боль пониманье пришло:
 «После смерти не будет забвенья!
 А мученья твои означают лишь то,
 Как глупы все твои рассужденья...»
Как наивен я был, представляя себе,
Что пройти Божий Суд – не проблема!
Ведь считал, что хорошего больше во мне,
Так что: «пусть отдыхает геенна...»
 Но открылось, что Бог – далеко не старик,
 С облаков наблюдающий Землю,
 Он – Творец бытия, Царь царей и владык,
 Чьему Слову всё сущее внемлет!
Свят и праведен Он, неподкупен ничем,
И судить всех людей будет строго:
За слова и дела – кто бы ни был бы кем –
Раб иль царь – согрешают все много.
 И открылось, что если добро всё собрать,
 Что когда-либо сделал я в жизни,
 То не хватит грешок даже мелкий убрать,
 И нет хода к Небесной отчизне!
Чёрный мрак бесконечности и пустоты
Окружает погибшую душу.

Одиночество полное, выхода нет, –
И никто Божий Суд не нарушит.
Там забвения нет и беспамятства нет,
Совість там говорит громогласно,
Заглушить её голос – не хватит монет,
И любые молитвы напрасны.
И ни крики, ни слёзы, ни скрежет зубов
Рассказать о мученьях не могут,
Потому что страшнее огня и оков –
Невозможность приблизиться к Богу.
Что же делать теперь? Значит, я обречён?!
Значит, вечно нести наказание?!
Но пришёл мне ответ: «Можешь быть ты прощён
После искреннего покаянья.
Если бросишь грешить и в неверии жить,
Если Богу вполне покоришься,
Если будешь ты правду святую любить –
То для радости с Ним возродишься!»

VII.

В тот же миг я очнулся в своей конуре
И упал вниз лицом на колени.
Так впервые – в далеком сейчас декабре
Я молился без всяких сомнений:
«Боже мой!!! Боже мой!!! Знаешь Ты обо всём!
И грехи все мои знаешь тоже!
Ты прости, что я был, как безумный осёл,
На всю голову был «отморожен»!
Умоляю, прости, что не верил
в Тебя
И что маму родную не
слушал,
Что любил и лелеял всегда
лишь себя
И законы Твои все нарушил!
Ты прости и помилуй, Господь и
Творец!
Сам себе я противен и мерзок.
На Тебя уповаю, мой Бог и Отец,
Не вмени прошлой жизни отрезок...
Ты возьми меня в руку Свою,
о Господь,
И очисти от зла мою душу,
Помоги мне в себе распознать, побороть
Всю греховность, что губит и рушит...
Умоляю, прости, и остаток всех дней,
Что отмеришь Ты мне в этой жизни,

Молитва в колонии

Я хочу по-иному прожить, чтоб о ней
Не стыдиться в Небесной Отчизне.

Я пойду за Тобой, – хоть куда позови,
Ибо понял, что Свят Ты и Верен,
Вседоуц и Всезнающ, и полон Любви,
И в Тебя я всем сердцем поверил!»

VIII.

Так в ночной тишине и один на Один,
Сжав своё одеяло зубами,
Я впервые молился, и мой Господин
Разобрался с моими грехами!

Не заметил, как мир и покой снизошли
В моё новое сердце и душу,
И теперь никакие соблазны земли
Не заставят меня их послушать.

Я уснул и проспал до утра, как сурок,
Все кошмары ушли безвозвратно –
Это я перешёл чудотворный порог:
Кто знаком – тому это понятно.

В первый день новой жизни вошёл, как всегда –
Закурил впредь всего сигарету...

А что это греховно – не знал я тогда,

И не думал бросать гадость эту...

Закурил и, как будто случайно, решил:
«Посмотрю, что там в Библии пишут?»
Наугад прочитал я – и стыд ощутил –
За такую привычку-то взыщут!

«Иль не знаете то, что вы есть Божий храм,
И живёт Божий Дух в каждом лично?
Ты ж свой храм разоряешь курением сам,
Ибо святость – для Бога первична!»

В тот же миг – как ударило током меня,
С головы до подошвы пробило.
Стало так горячо, словно выпил огня,
И в груди сердце вдруг зачастило.

Тут же бросил курить, – не жалею о том,
Я стараюсь искать Божью волю:
Чтоб идти узким, тесным путём за Христом,
На земле этой быть светом, солью.

С той поры незаметно прошло десять лет
С возрастанием духа и веры:
Со Христом заключил я священный завет,
Бог даёт Духа жизни – без меры.

Но при этом Господь научает меня
Удаляться от знаний излишних,

И чтоб самое главное взял себе я:
Любить Бога и всех своих ближних.
С Божьей помощью понял я, в чём жизни суть,
И надёжно храню в своём сердце:
Должен каждый, смирившись, найти в Небо путь,
И войти туда в «тесные дверцы».
Слово Божие живо, доступно для всех,
Святой Дух открывает значение:
Кто его соблюдает, – того ждёт успех,
Ибо к Богу его всё влечение.
Но успех с Ним не в том, чтобы здесь долго жить,
И не в том, чтоб собрать всё богатство:
Наш успех состоит – чтоб с Христом разделить
Мир и радость Небесного Царства!

Яков участвует в воспоминании страданий Христовых

Вот, пожалуй, и всё, что хотел рассказать
О своём приближении к Богу,
Чтобы в Духе Святом все народы позвать
Ко Христу – на спасенья дорогу!!!

Аминь.

Заказать эту брошюру можно по следующему адресу: Christliche Mission «Helfende Hand»,
Filiale Wienau, Johann Wiens, Schwalbenstr. 6, 56269 Dierdorf-Wienau (jwiens58@gmail.com)